

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 37.061

DOI: 10.17853/1994-5639-2018-2-125-146

МОЛОДЕЖНЫЙ ВАНДАЛИЗМ В СРЕДЕ МЕГАПОЛИСА: ГРАНИЦЫ НОРМЫ И ДЕВИАЦИИ

Д. В. Руденкин

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
E-mail: d-rudenkin@yandex.ru

И. В. Воробьева¹, О. В. Кружкова², М. С. Кривошекова³

*Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия*
E-mail: ¹lorisha@mail.ru; ²galiat1@yandex.ru; ³kmsolimp@mail.ru

Аннотация. Введение. Социализация современной городской молодежи по сравнению с предшествующими поколениями происходит в иных, отличных от прежних условиях. Нравственный релятивизм общества, диверсификация информационных потоков и возрастающие гедонистические ориентации могут формировать толерантное отношение молодежи ко многим, некогда табуированным практикам, а специфика современной урбанистической среды способствует интенсификации вандального поведения подрастающего поколения.

Цель изложенного в статье исследования – выявление особенностей представлений современных молодых людей о вандализме и их оценок степени приемлемости конкретных асоциальных вандальных поступков.

Методы и методики. Аналитический обзор научных работ позволил реконструировать объяснительные модели возникновения и развития вандализма в молодежной среде. Специфика восприятия вандализма молодых людей выяснялась на основе социологического анкетирования. Обработка данных производилась методами корреляционного и факторного анализа. Статистические вычисления выполнялись с применением приложения Vortex.

Результаты и научная новизна. Авторским коллективом произведен комплексный анализ отношения молодежи к вандализму. Выделены доминанты его восприятия в молодежной среде. В ходе анкетирования, в котором приняли участие жители Екатеринбурга (n=304, возраст – 18–30 лет), обнаружено, что более трети респондентов имеют реальный опыт совершения вандальных действий, однако признают и открыто декларируют этот опыт только 2% опрошенных.

Причина в суженном содержательном понимании большинством представителей молодежи вандализма – он сводится только к не подлежащим сомнению деструктивным действиям. Многие менее очевидные проступки, попадающие под понятие вандализма, не рефлексировываются молодыми людьми в таком качестве. Таким образом, сделан вывод о том, что молодежной среде распространен неосознаваемый вандализм: значительная часть молодых людей более или менее регулярно совершает вандажные действия, не воспринимая их как отклонение от норм поведения, и не замечает вандажного поведения окружающих.

Полученные данные указывают на значительную гибкость и противоречивость представлений молодого населения мегаполиса о вандализме: на уровне стереотипов при абстрагировании от реальности он расценивается как девиация и категорически осуждается; а в повседневности применительно к конкретным ситуациям трактуется как непризнанная норма. Констатируется тенденция постепенного размывания в сознании молодежи табуированности и девиантности вандализма.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы для оптимизации воспитательной работы в образовательных учреждениях и повышения эффективности профилактики вандажного поведения среди молодежи.

Ключевые слова: молодежь, вандализм, городская среда, городская молодежь, девиация, норма, стереотип.

Благодарности. Исследование выполнено согласно гранту Российского научного фонда, проект № 17-18-01278.

Для цитирования: Руденкин Д. В., Воробьева И. В., Кружкова О. В., Кривошекова М. С. Молодежный вандализм в среде мегаполиса: границы нормы и девиации // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 2. С. 125–146. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-2-125-146

YOUTH VANDALISM IN THE ENVIRONMENT OF MEGALOPOLIS: BORDERS OF STANDARD AND DEVIATION

D. V. Rudenkin

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia.*

E-mail: d-rudenkin@yandex.ru

I. V. Vorobyeva¹, O. V. Kruzhkova², M. S. Krivoshechkova³

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: ¹lorisha@mail.ru; ²galiat1@yandex.ru; ³kmsolimp@mail.ru

Abstract. *Introduction.* Nowadays, modern urban youth is socialized under entirely different conditions than earlier. Moral relativism of society, diversification of information flows and increasing hedonistic orientations can form a tolerant attitude of young people to many taboo practices, and the specificity of the development of the modern urban environment contributes to the intensification of its vandal behaviour.

The aim of the present publication is to identify the understanding of vandalism that is read by modern urban youth and to assess the acceptability of specific vandal practices in the social daily life of young people.

Methodology and research methods. The analytical review of scientific works enabled the authors to reconstruct explanatory models of emergence and development of vandalism among young people. The specifics of perception of vandalism of young people were investigated on the basis of a social survey. The data was processed by the methods of correlation and factorial analysis. Statistical calculations were run with application of Population Viability Analysis software – Vortex.

Results and scientific novelty. The authors made the complex analysis of the attitude of youth towards vandalism. The dominants of vandalism perception among young people are emphasized. The study was conducted among the representatives of Yekaterinburg (n=304, 18–30 years). It was found that more than 30 % of respondents have a real experience in the implementation of vandalism in the urban environment, but only 2 % of respondents recognize and openly declare this experience. The reason is in the narrowed substantial understanding of vandalism by most of youth representatives; they consider it only as the destructive actions which are not beyond doubt. Moreover, young people do not consider many less obvious offenses as vandalism. Thus, the conclusion is drawn that non-conscious vandalism is widespread among young people: a considerable part of young people more or less regularly commit vandal actions, without perceiving them as a deviation from predefined standard pattern of behaviour; young people do not notice vandal behaviour of people around as well.

The data obtained point to considerable flexibility and discrepancy of ideas of vandalism among the young population in megalopolises: vandalism is regarded as deviation and categorically condemned at the level of stereotypes with abstraction from the reality; in a daily occurrence, vandalism is treated as unrecognized norm in relation to specific situations. The tendency of the gradual erosion of taboo nature and deviance of vandalism in consciousness of youth is stated.

Practical significance. The materials of the research could be applied to optimize the work on up-brining in educational institutions and to increase the effectiveness of prevention of vandalism among young people.

Key words: youth, vandalism, urban environment, urban youth, deviation, standard, stereotype.

Acknowledgments. The research was made possible by a grant from the Russian Science Foundation (project № 17-18-01278).

For citation: Rudenkin D. V., Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V., Krivoshchekova M. S. Youth vandalism in the environment of megalopolis: Borders of standard and deviation. *The Education and Science Journal*. 2018; 2 (20): 125–146. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-2-125-146

Введение

История вандализма как стратегии взаимодействия человека с окружающей действительностью имеет очень глубокие корни: хотя термин «вандализм» в значении «деструктивное (разрушительное) девиантное поведение человека, в ходе которого уничтожаются или оскверняются предметы искусства и культуры»¹, стал употребляться только в XIX столетии, однако само понятие появилось еще в первом веке нашей эры.

В городской среде вандализм был и остается распространенным явлением [1]. Он проявляется в самых разных формах: несанкционированных надписях и изображениях, разрушении отдельных конструкций и предметов, порче вследствие нецелевого использования элементов городской инфраструктуры и пр. [2]. Но в последнее время в мегаполисах вандальные действия, вариативность которых заметно повысилась, стали особой проблемой. Пострадать от атак вандалов может любой объект городского пространства – от памятника истории и культуры до современных сооружений и общегородской утвари. Так, по мнению F. Trovo и E. Griguol, графические формы вандализма превратились в «настоящую чуму» для городов, угрожающую сохранности их культурно-исторического облика [3]. Тотальный контроль с использованием современных технологий, наверное, мог бы минимизировать потери [4–5], но в силу объективных причин он осуществляется только точечно – им невозможно охватить весь город [6].

Активно развивающиеся техника и коммуникационные технологии, с одной стороны, помогают предотвращению хулиганских действий, с другой – способствуют экспансии вандализма. Сайты видеохостинга переполнены сюжетами совершения варварских актов, начиная с достаточно «безобидных» (например, поджогов урн) и заканчивая вопиющим разором на кладбищах и в культовых местах. Эти ролики вызывают любопытство у определенных категорий населения и провоцируют подражательство, особенно среди молодежи и подростков как аудитории, наиболее

---

¹ Современный словарь иностранных слов. Москва: Русский язык, 1992.

восприимчивой к эпатажу. Подобные видеосюжеты привлекают тем, что демонстрируют сохранение относительной анонимности, а значит, и безнаказанности субъекта вандальной акции, и нередко служат конкретными инструкциями по совершению аналогичных поступков.

К сказанному следует присовокупить ослабление социального контроля при одновременной ограниченности мер воздействия на вандалов. Современные зарубежные исследования подтверждают, что вандализм – это признак деструкции социального контроля, или его дефицитарности [7]. Безусловно, действия по несанкционированному изменению любого объекта городской среды человеком, который не является его собственником, должны пресекаться и пресекаются законом (см. статью 214 УК РФ). Однако данными полномочиями наделены представители силовых структур, которые физически не могут следить абсолютно за всем городским пространством. Остальные жители, становясь свидетелями действий вандалов, как правило, выбирают стратегию «невмешательства», не без оснований опасаясь за сохранность своего здоровья и имущества. Тревогу вызывает то, что вандализм все чаще расценивается в обществе как определенное «допущение» – вероятные, неприятные, но привычные издержки жизнедеятельности в урбанистской среде. А ритуализированные формы вандального поведения многими вообще не воспринимаются как правонарушения.

Таким образом, изучение психологии современного вандализма, выявление сущности данного феномена, обозначение границ между нормой и девиацией в вандальных проявлениях в подростковом и юношеском возрасте, а также вскрытие особенностей восприятия вандализма потенциальными его субъектами – это не просто актуальные направления научных исследований, а практический социальный запрос, удовлетворение которого позволит спрогнозировать степень представленности вандальных действий в поведенческом репертуаре среднестатистического жителя мегаполиса, что, в свою очередь, поможет разработать и реализовать комплекс мер по профилактике и более эффективному предотвращению соответствующих правонарушений.

Вандализм как девиация и норма: обзор литературы

Позицию современной науки в отношении степени девиантности вандализма в общем виде можно охарактеризовать как относительный теоретико-методологический плюрализм.

В отечественной и зарубежной юридической теории и правоприменительной практике вандализм или деяния, обладающие его признаками, признаются делинквентным поведением, которое по законам подавля-

ящегося большинства стран уголовно наказуемо¹. Объектами данных преступлений выступают публичный порядок, отношения собственности и общественная нравственность [8].

Влияние принятого в юриспруденции толкования отражается и на представлениях ученых – в большинстве существующих научных трактовках вандализм интерпретируется как осуждаемые обществом и заведомо негативные по своим последствиям поступки. Так, с точки зрения Л. С. Ватовой, Б. Х. Омаева, О. С. Пашутиной, В. Ф. Пирожкова, А. С. Скороходовой и др., это девиантное (отклоняющееся) поведение, направленное на безосновательное уничтожение материальных и духовных ценностей, порчу имущества в общественных местах [9–11]. Х. Ремшмидт указывает на то, что вандализм обладает признаками преступных (криминальных) и аморальных (безнравственных) действий².

В научных публикациях не только констатируется девиантность вандализма, но и описываются ее ключевые проявления. Например, Я. И. Гилинский утверждает, что негативные девиации, в том числе вандализм, дисфункциональны, поскольку дезорганизуют социальную систему, нарушают общественный порядок, подрывают ценностные устои общества и институт собственности [12]. Вандализм может быть сопутствующим деянием или начальной стадией более тяжелых преступлений, таких как погромы, разбой, нанесение существенного ущерба общественной или частной собственности [13].

J. Van Ouytsel, K. Ponnet и M. Walrave обращают внимание на то, что подростки, совершающие вандальные действия, сами подвергаются повышенному риску стать жертвами насильственных преступлений [14]. А для криминально-ориентированной молодежи вандализм может быть одной из форм досуга наравне с употреблением наркотических средств, алкоголя и вступлением в сексуальные связи [15].

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) [Электрон. ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 30.10.2017); Примерный уголовный кодекс США. Официальный проект Института американского права / пер. с англ. А. С. Никифорова; под ред. Б. С. Никифорова. Москва: Прогресс, 1969. 303 с.; Уголовный кодекс Франции. Санкт-Петербург: Юридический центр-пресс, 2002. 648 с.; Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. Санкт-Петербург: Юридический центр-пресс, 2003. 524 с.; Уголовный кодекс Австрии. Санкт-Петербург: Юридический центр-пресс, 2004. 352 с.

² Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности: пер. с нем. Москва: Мир, 1994. 320 с

Кроме работ, в которых вандализм безапелляционно трактуется как деструктивная по своим последствиям девиация, в научной литературе встречаются публикации с менее однозначной оценкой данного явления. Так, Н. В. Майсак дифференцирует вандальные действия на антиобщественные, асоциальные и на социально-нейтральные (к ним он относит, например, стрит-арт, граффити). Отмечая двойственность результата вандального акта для субъекта его совершения и для объекта деяния, автор выделяет конструктивный и деструктивный типы вандального поведения [16]. По мнению ученого, девиантное поведение всегда относительно и обладает зонами «неопределенности», которые могут быть отнесены как к нормальному, так и к «болезненному» позиционированию личности в социуме.

Проявление гибкости в интерпретации вандализма объясняется тем фактом, что социальные нормы со временем меняются [16], и общество при определенных условиях может начать относиться терпимо к тому, что ранее считалось недопустимым. Особенно это заметно в условиях современной транзитивной реальности [17].

С. Коэн¹ выделяет ряд возможных условий и ситуаций, при которых в социальном пространстве возникает толерантность к вандализму и/ или происходит принятие его как нормы:

- ритуализм, разрешающий иногда в силу сложившихся традиций порчу и разрушение объектов (навешивание замочков на ограды мостов, признательные и поздравительные надписи на изначально не предназначенных для этого поверхностях и т. д.);
- протекция и лояльность по отношению к некоторым группам людей (например, расклейщикам объявлений, коллекторам и т. п.), которым общество дает «коллективное право» на подобное поведение. К данным группам могут относиться и маргинальные образования (молодежные субкультурные объединения, люди без определенного места жительства и пр.), к представителям которых граждане проявляют снисходительность или дистанцируются от них из соображений безопасности. Подобная терпимость может быть обусловлена и ситуацией культурно-политического слома, когда вандализм выступает антикоммеморационной (нарушающий историческую память через видоизменение, разрушение объектов) стратегией воздействия на социум [18];

---

¹ Cohen S., Levy-Leboyer C. (Ed.). Sociological approaches to vandalism. Vandalism: behaviour and motivation. Amsterdam: Elsevier science publishers B. V., 1984. P. 51–62.

- игровое разрешение, когда вандализм рассматривается как элемент игры, часть забавы или приключения (задания автоквестов, городского ориентирования и т. п.);
- снисхождение к нанесению незначительного ущерба, если постфактум признается художественная ценность продуктов вандализма, которые могут обогащать городскую среду и делать ее более привлекательной [19];
- нанесение вреда собственности внутри какой-либо организации, имеющей закрытую от посторонних территорию, где разрушения не заметны для широкой общественности (случаи организационного вандализма [20]).

Молодежный вандализм, на изучение которого нацелено наше исследование, также интерпретируется в научной литературе по-разному.

Существуют специфические объяснительные модели, которые помогают проанализировать причины, побуждающие к совершению вандальных проступков именно молодежь и не играющие особой роли в жизни иных возрастных групп. В частности, широкое распространение получило утверждение о том, что проявления вандализма связаны с задачами, которые пытается решить формирующаяся личность в подростковый и юношеский периоды. При отсутствии освоенных социально нормативных технологий самореализации и самопрезентации вандализм становится их очевидной и наиболее доступной заменой. Посредством такого способа взаимодействия с городской средой, как полагают подростки, можно показать свою смелость, обозначить собственную позицию и несогласие с окружающими, бросить социальный вызов обществу [21]. Очевидно, поэтому акты молодежного вандализма часто совершаются демонстративно – в местах открытых для просмотра, но труднодоступных для осуществления изменения их визуального облика.

В ряде исследований рассматривается инструментальный потенциал молодежного вандализма. В частности, посредством вандальных акций может осуществляться формирование социальной идентификации и происходить принятие в референтные группы сверстников. Так, в исследовании В. В. Соболевникова приводятся формулировки, которыми студенты выражают свое отношение к хулиганству, кражам, рэкету и вандализму: «мне это не нравится, но помешать этому я не могу», «мне все равно», «просто не остается выбора». Среди причин совершения подобных правонарушений респонденты называют влияние компании, материальные проблемы, «желание взять то, что плохо лежит» [22].

Существуют и другие работы, в которых содержится комплексный анализ мотивов, факторов и обстоятельств, побуждающих молодых людей к вандалистским поступкам. Как правило, в этих публикациях повторяется

общая мысль о том, что подростковые реакции на воздействие окружающей среды и, прежде всего, ближайшего окружения могут основываться на моделях девиантного, в том числе вандального, поведения. Однако подобные реакции, с точки зрения А. Е. Личко, неверно расценивать как патологические – они являются нормальными стратегиями социализационного процесса¹.

Краткая характеристика данных реакций и описание соответствующих им вероятных вандальных действий представлены в таблице.

Связь подростковых реакций и вандализма
Interrelation of teenage reactions and vandalism

Поведенческая реакция	Содержание реакции	Возможные вандальные действия
1	2	3
Реакция эмансипации	Проявляется в стремлении высвободиться из-под опеки, руководства, контроля, покровительства родных, учителей, воспитателей, наставников, старшего поколения вообще. Реакция может распространяться на установленные старшими порядки, правила, законы, на все, что уважается и ценится, т. е. на принятые в жизни стандарты и духовные ценности [29]	Вандализм как протест – изменение объектов, принадлежащих или ассоциирующихся со старшим поколением. Непреднамеренный, случайный вандализм. Вандализм некомпетентности («по незнанию»)
Реакция группирования со сверстниками (групповой вандализм)	Выражается в стремлении к объединению в сообщества с представителями своей возрастной группы	Вандализм как проверка, испытание для вступления в группу или с целью изменения статуса в ней
Реакция увлечения – «хобби-реакция»	Характеризуется появлением увлечений, которые «составляют особую категорию психологических феноменов – они также являются компонентами личности, располагаясь где-то между влечениями, с одной стороны, и наклонностями и интересами, с другой» [29]. Увлечения всегда более эмоционально окрашены, при этом для личности они представляют субъективную ценность	Графические формы вандализма – стрит-арт, граффити и пр. Вандализм по неосторожности или для удобства при экстремальных увлечениях (паркур и пр.) Вандализм при прохождении квестов, участии в ролевых играх

¹ Личко А. Е. Подростковая психиатрия: руководство для врачей. 2-е изд. Ленинград: Медицина, 1985. 416 с.

1	2	3
Реакции, обусловленные формирующимся сексуальным влечением	Помимо сексуальных девиаций, формирующееся половое влечение может проявляться опосредованно, через иные нарушения поведения: аффективные агрессивные реакции в отношении соперников или лиц, унижающих подростка в глазах объекта влечения; демонстративные реакции с целью привлечь к себе внимание этого объекта; аутоагрессивные реакции на свой действительный, а чаще мнимый неуспех и т. п. [29]	Демонстративный вандализм Романтические формы вандализма – надписи, рисунки и т. п. Мстительный вандализм

Жанр и формат статьи не позволяют нам детально проанализировать весь содержательный пласт научных источников, так или иначе раскрывающих суть вандализма и его социальные истоки, – в силу актуальности темы таких работ существует довольно много, и мы отметили лишь наиболее показательные, на наш взгляд, и близкие к проблематике нашего исследования. Тем не менее даже такой краткий обзор позволяет сделать вывод об отсутствии среди ученых консенсуса по поводу понимания детерминант вандализма и степени его социальной нормативности. Согласие существует только в базовом представлении о вандализме как о действиях, связанных с умышленным причинением вреда. Однако по поводу социальных причин и последствий этого явления взгляды ученых расходятся. Часть авторов убеждена в том, что сам факт причинения вреда превращает вандализм в заведомо девиантное действие. Другие настаивают на том, что следует учитывать и социальные результаты этого явления, и контекст вандального акта. Polemika осложняется тем, что каждая из сторон приводит логичную и прозрачную аргументацию своей позиции.

Однако в задачи нашей работы не входило окончательное разрешение этой научной дискуссии. Обращаясь к анализу существующих научных работ, мы пытались лишь реконструировать базовые смыслы, которые современная наука вкладывает в возможные объяснительные модели возникновения и развития вандализма в молодежной среде. Имеющееся противоречие в интерпретациях степени нормативности вандализма как девиантного поведения и как разновидности приемлемых для общества действий дает богатую почву для размышлений и дальнейшего изучения той специфической роли, которую вандализм может играть в жизни молодежи.

Материалы и методы

Для того чтобы выяснить особенности восприятия молодежью современного мегаполиса степени нормативности и девиантности вандализма, в мае–июле 2017 г. на базе Уральского государственного педагогического университета нами было выполнено исследование.

Гипотеза, которая выдвигалась на этапе планирования работы, заключалась в том, что современная урбанистическая среда обуславливает формирование более гибкого отношения молодых людей к вандализму и фактически превращает его в приемлемое явление.

В качестве ведущего метода исследования был избран социологический анкетный опрос, поскольку его эвристические возможности позволяют в относительно короткие сроки получить подробную и полную информацию на большой выборке респондентов.

Конструкцию анкеты составили следующие смысловые блоки взаимосвязанных вопросов:

- ключевые интерпретации вандализма, существующие в молодежной среде;
- действия, которые молодые люди относят к проявлениям вандализма;
- степень приемлемости вандализма в представлениях молодежи.

Для отбора респондентов использовалась квотная выборка по полу, возрасту и самооценке материального положения. Общее количество опрошенных составило 304 человек от 18 до 30 лет, проживающих в Екатеринбурге. Совокупно было опрошено 156 мужчин и 148 женщин. Среди испытуемых 102 человека были в возрасте 18–20 лет, 100 – в возрасте 21–25 лет и 102 – в возрасте 26–30 лет. 95 респондентов характеризовали свое материальное положение как «выше среднего» и «высокое» и 209 оценивали свой уровень жизни как «средний» и «ниже среднего».

Обработка данных производилась методами корреляционного и факторного анализа. Необходимые статистические вычисления выполнялись с применением приложения Vortex.

Результаты исследования

Проведенное исследование показало, что на ассоциативном уровне у молодежи воспроизводится четкий стереотип о девиантном, предосудительном характере вандализма.

Чтобы детально разобраться, как именно считывается молодыми людьми смысл вандального поведения, мы задавали респондентам два вопроса с одной и той же исходной формулировкой: «Что такое вандализм?»: но в одном случае вопрос был открытый (подразумевал свободную форму ответа),

в другом – он сопровождался списком возможных ответов. С чем именно ассоциируется вандализм на первичном уровне восприятия наших респондентов, в обобщенном виде показано на рис. 1, 2.

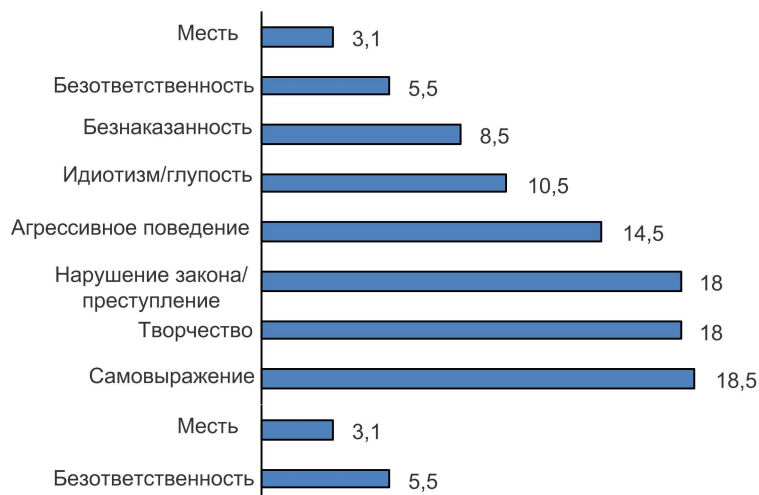

Рис. 1. Неспровоцированные ассоциации с понятием вандализма (открытый вопрос, ТОП-10 ответов), % от числа опрошенных
Fig. 1. The unprovoked associations with a concept of vandalism (open question, TOP-10 answers), % of respondents

Рис. 2. Спровоцированные ассоциации с понятием вандализма (закрытый вопрос), % от числа опрошенных
Fig. 2. The provoked associations with a concept of vandalism (closed question), % of respondents

Очевидная доминанта в вариантах ответов на открытый вопрос – негативные оценочные ассоциации: разрушение (25,1%), злость/ ярость (19,3%), преступление (18,0%).

Аналогичная тенденция прослеживается и в ответах на закрытый вопрос. Наиболее популярными вариантами ответов на него оказались следующие позиции: вред (79,9% опрошенных), ущерб (56,9%), разрушение (55,3%), оскорбление (46,4%).

Иными словами, базовое восприятие вандализма у молодых людей тяготеет к негативной оценке. Если даже им свойственно какое-либо снисходительное отношение к актам вандализма, то на ассоциативном уровне оно не проявляется. На наш взгляд, здесь срабатывает расхожий стереотип: вандализм – это нечто плохое, осуждаемое, связанное с вредом, ущербом, разрушением и иными деструктивными последствиями. Причем этот стереотип, как подтвердил статистический анализ ответов, универсален: значимые расхождения между ответами респондентов разного пола и материального достатка отсутствовали.

Тем не менее непоколебимость данного стереотипа в сознании молодежи вызывает недоверие. При сопоставлении ответов на открытый и закрытый варианты вопроса нетрудно заметить расхождения между распределением мнений респондентов. В ответах на закрытый вопрос (рис. 2) негативное восприятие явно доминирует, заполняя собой практически все ассоциативное поле. А в ответах на открытый вопрос (рис. 1) наряду с преобладающими негативными оценками имеется не так уж мало вариантов с нейтральными и даже позитивными ассоциациями – с самовыражением (18,5%) и с творчеством (18,0%). Причину такого несовпадения легко объяснить с позиций методики социологических опросов: закрытые и открытые вопросы ставят человека в разные ситуации. Отвечая на первые, респондент видит перед собой уже готовый перечень ответов, из которых он выбирает то, что считает правильным. Вопрос второго типа не содержит прямых подсказок, которые маркируют пространство ответа: респондент ситуативно формулирует его исходя из того, что актуализировало сознание. Иными словами, стереотипное представление о вандализме как о чем-то негативном оказалось у участников опроса не столь стойким и однозначным, как это может показаться при поверхностном взгляде.

Наличие указанных расхождений в ответах анкеты уже свидетельствует о гибкости отношения к вандализму, однако это лишь косвенный признак толерантности к нему. Прямое подтверждение содержится в ответах на другой вопрос: «Можно ли оправдать проявления вандализма

в жизни общества?», которые продемонстрировали характерную для большинства респондентов установку на снисходительность к вандалам: 60,5% опрошенных готовы при определенных обстоятельствах к их оправданию.

Показательна классификация испытуемыми действий на вандажные и невандажные. Данное разграничение респонденты производили на основе предложенного перечня, элементы которого они должны были квалифицировать либо как проявления вандализма, либо как поступки, в которых они не видят ничего предосудительного (рис. 3).

Рис. 3. Действия, воспринимаемые как проявления вандализма, % от числа опрошенных

Fig. 3. The actions perceived as manifestations of vandalism, % of respondents

Весь вандажный «репертуар», обозначенный в анкетных ответах, можно разделить на три группы действий, которые с позиций испытуемых

- явно относятся к вандализму (отметили не менее 40% опрошенных): надписи на стенах в подъезде (55,9%), выламывание прохода в заборе (44,4%), нанесение граффити (40,5%);
- причисляются к вандализму от случая к случаю (обозначили более чем 15% опрошенных, но менее чем 40%): надписи на парте (34,2%), взламывание чьей-то страницы в социальной сети (23,7%), выгуливание собаки в непредназначенном месте (22,4%);

• мало или совсем не ассоциируются с вандализмом (назвали 15% опрошенных и меньше): вытаптывание тропинки на газоне (14,1%), расклеивание объявлений на столбах (11,8%), распространение о ком-либо заведомо ложной информации (5,9%), бросание монет в водоемы (4,6%).

Таким образом, понимание вандализма у весомой доли наших респондентов оказалось довольно узким: оно сводилось лишь к действиям, наносящим существенный неоспоримый вред другим людям или их собственности. Иные попавшие в список деструктивные действия, менее вредоносные, но формально и объективно расценивающиеся как вандальные, в таком качестве воспринимаются очень немногими. Получается, что зафиксированный у абсолютного большинства опрошенных стереотип о вандализме как о ненормальном, осуждаемом явлении, распространяется в представлениях значительной части молодежи только на очевидные варварские акты и злостные хулиганские поступки. Следствием подобной, весьма ограниченной трактовки вандализма являются нерелексированные вандальные практики, которые не осуждаются, поскольку не осознаются таковыми. Иными словами, значительная часть молодежи производит вандальные действия, не отдавая себе в этом отчет и не подозревая, что это и есть акт вандализма.

Чтобы убедиться в правомерности сделанного вывода, мы сопоставили два показателя: субъективное признание респондентами имеющегося у них личного опыта вандализма, рассматриваемого ими как грубое нарушение нормы, и фактического совершения ими вандальных действий. Вторым показателем был получен путем обобщения ответов испытуемых на вопрос, приходилось ли им совершать действия, перечисленные в предложенном ранее перечне (представлен на рис. 3 и 5). К «совершавшим» были отнесены те респонденты, кто отметил хотя бы одно действие из списка, производящееся ими «время от времени», «часто» или «регулярно». Остальные были причислены к категории «не совершавших». Сравнение этих показателей вскрыло парадоксальный контраст (рис. 4).

Доля тех, кто признал участие в вандализме, крайне мала – она колеблется в районе 2%. Между тем количество испытуемых, реально совершавших вандальные действия, несоизмеримо больше – оно достигает 32,6%. Конечно, выявленная разница не повод для утверждения, будто подавляющее большинство молодого поколения склонно к неосознанному вандализму. Но такой резкий разрыв красноречив: фактически более трети молодых людей, совершивших (а возможно, и продолжающих совершать) вандальные поступки, не воспринимают их как нечто предосудительное.

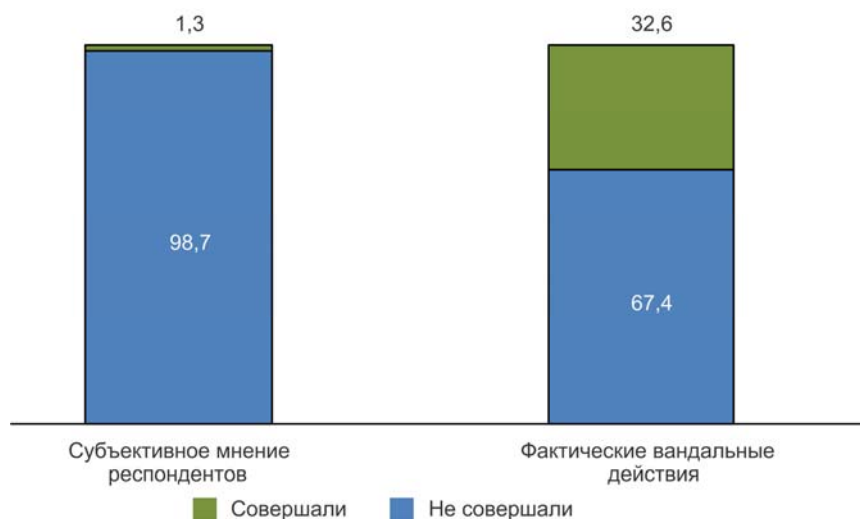

Рис. 4. Соотношение субъективного признания и реальных фактов совершения вандальных действий, % от числа опрошенных
Fig. 4. Proportion of subjective recognition and real facts of vandal actions commitment, % of respondents

На рис. 5 показано, какие именно действия, произведенные той или иной частью респондентов, но не рассматриваются ими как проявления вандализма.

Сопоставив частоту совершения испытуемыми различных вандальных актов и интенсивность их упоминаний в качестве считываемой формы вандализма, мы выделили три группы действий, ранжированные по их восприятию респондентами с точки зрения отклонения от норм поведения или соответствия этим нормам.

1. Действия, которые большинство молодежи воспринимает как явный вандализм и которые либо не совершаются ими совсем, либо совершаются крайне редко. К ним относятся пробивание дыр в заборах для прохода, нанесение портящих стены надписей и граффити, выгул собак на не предназначенной для этого территории и взлом страниц в социальных сетях. Эти действия составляют ядро молодежной негативной интерпретации вандализма.

2. Действия, которые молодые люди считают вандальными и предосудительными, но тем не менее позволительными для себя. К данной группе можно причислить расклейку объявлений на деревьях или стенах, а также нанесение надписей на парты.

3. Совершаемые вандальные действия, которые не воспринимаются молодежью в качестве таковых. Это, например, вытаптывание тропи-

нок на газоне, бросание монеток в водоемы и распространение заведомо недостоверной (ложной) информации о других людях. По сути, подобные действия – часть привычного повседневного быта молодых людей, именно поэтому они не ассоциируются с вандализмом, трактуются как нормальные и предпринимаются довольно регулярно.

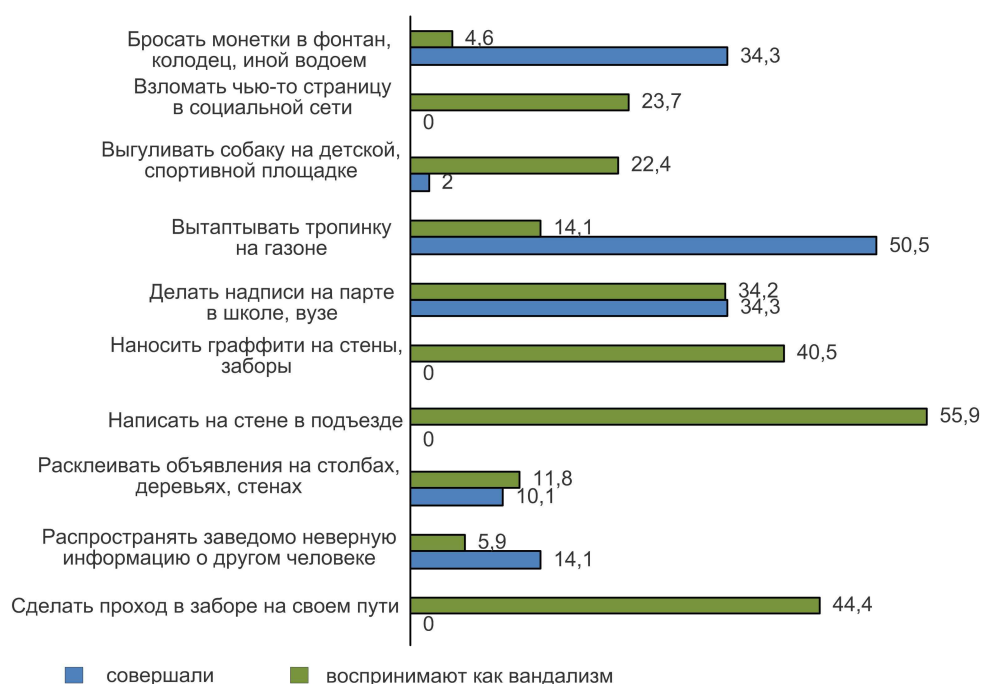

Рис. 5. Неосознанные вандальные действия, совершенные респондентами, но не ассоциирующиеся у них с вандализмом, % от числа опрошенных

Fig. 5. Unconscious vandal actions, committed by the respondents, but not associated with vandalism, % of respondents

На основе анализа полученной информации можно констатировать перманентный процесс бытовой адаптации вандализма в молодежной среде. Крайне агрессивное, откровенно деструктивное поведение молодые люди по-прежнему относят к табуированным вандальным практикам. В то же время многие другие действия, несмотря на их считаваемый вандальный характер, воспринимаются довольно толерантно, а некоторые и вовсе расцениваются как обыденные, не стоящие внимания и не осуждаемые. Происходит малозаметное внешне встраивание многих вандальных практик в контекст повседневной социальной реальности молодых людей. Этот

процесс касается не только попустительства в отношении неблагоприятных действий других людей, но и лояльной оценки собственного подобного поведения. Лишь 2% опрошенных отметили, что сталкивались с проявлениями вандализма в своем непосредственном окружении, при этом 40% заявили, что никогда не наблюдали в действительности ничего похожего. Разумеется, у нас нет оснований подозревать своих респондентов во лжи, однако эти цифры вызывают скептическое отношение: учитывая выявленную склонность многих молодых людей к неосознаваемому совершению вандальных действий, мы предполагаем, что они не замечают их и тогда, когда таким же образом ведут себя другие люди, т. е. многие вандальные практики начинают восприниматься молодежью как норма.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование показало, что общее восприятие вандализма современной городской молодежью обладает значительной гибкостью. Конкретно это проявляется в следующем:

- базовые стереотипные представления о вандализме при абстрагировании от реальности у подавляющей части молодых людей выражаются в виде негативных оценочных суждений о нем как о явной разновидности осуждаемого девиантного поведения;
- содержательное понимание вандализма у большинства представителей молодежи суженное – оно сводится только к не подлежащим сомнению деструктивным действиям. Многие менее очевидные поступки, попадающие под понятие вандализма, не рефлексированы молодыми людьми в таком качестве;
- в молодежной среде распространен неосознаваемый вандализм, который вписывается в контекст повседневной реальности: значительная часть молодых людей более или менее регулярно совершает вандальные действия, не воспринимая их как отклонение от норм поведения, и не замечает вандального поведения окружающих.

Обобщение обозначенных тенденций позволяет сделать вывод о постепенном размывании табуированности и девиантности вандализма в представлениях молодежи: с одной стороны, он расценивается как девиация на уровне стереотипов, а с другой – применительно к конкретной социальной реальности трактуется как непризнанная норма. Противоречивые настроения в молодежной среде мегаполисов и складывающаяся в связи с ними ситуация требуют дальнейших исследований и дополнительных данных для разработки мер по профилактике вандализма среди молодежи и предотвращению распространения вандальных практик среди граждан.

Список использованных источников

1. Šakić V., Franc R., Mlačić B. Self-Expressed Tendency of Adolescents towards Social Deviations and Antisocial Behaviour [Samoiskazana sklonost adolescenata socijalnim devijacijama i antisocijalnim ponašanjima] // *Drustvena Istrazivanja*. 2002. № 11 (2–3). P. 265–289.
2. Оболенская А. Г. Исследование вандального поведения в период деструкции социальной ситуации на территории // Сборник тезисов V Международного Конгресса памяти А. Р. Лурия «Луриевский подход в мировой психологической науке». 13–16 октября 2017 г., Екатеринбург. Екатеринбург: Уральский университет, 2017. С. 117–118.
3. Trovo F., Griguol E. *Chimica Oggi* // *Chemistry Today*. 2017. № 35 (4). P. 42–46.
4. Albrecht J. F., & Das D. K. *Effective crime reduction strategies: International perspectives*. Hoboken: Taylor and Francis, 2011. 650 P.
5. Buckley R. C. *Conservation tourism*. Cambridge, Mass: CAB International, 2010. 230 P.
6. Bhati A., Pearce P. Tourist attractions in Bangkok and Singapore; linking vandalism and setting characteristics [Электрон. ресурс] // *Tourism management*. 2017. № 63. P. 15–30. Режим доступа: 10.1016/j.tourman (дата обращения: 14.05.2017).
7. Mushtaha E., Hamid F. The Effect on Vandalism of Perception Factors Related to Housing Design, Case of U. A. E Cities // *Journal of Asian Architecture and Building Engineering*. 2016. № 15 (2). P. 247–254.
8. Павлов В. Г. Вопросы ответственности за вандализм в зарубежном уголовном законодательстве // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2014. № 25 (4). С. 95–100.
9. Ватова А. С. Психопрофилактика молодежного вандализма на ранней стадии в условиях начальной школы // *Начальная школа*. 2003. № 5. С. 46–50.
10. Омаев Б. Х. Личностные особенности вандалов // *Образование и право*. 2013. № 1 (41). С. 164–172.
11. Пашутина О. С. Предмет вандализма: понятие и проблемы законодательного определения // *Бизнес в законе*. 2008. № 2. С. 123–125.
12. Гилинский Я. И. Социология девиантности (новеллы и перспективы) // *Социологические исследования*. 2009. № 8 (304). С. 70–73.
13. Терехина О. А. Социальные характеристики лиц, склонных к вандализму // *Инновационная наука*. 2016. № 10–3. С. 139–143.
14. Van Ouytsel J., Ponnet K., Walrave M. The associations of adolescents' dating violence victimization, well-being and engagement in risk behaviors // *Journal of Adolescence*. 2017. № 55. P. 66–71.
15. Stodolska M., Berdychevsky L., Shinew K. J. Gangs and Deviant Leisure // *Leisure Sciences*. 2017, 4 July. P. 1–16.
16. Майсак Н. В. Матрица социальных девиаций: классификация типов и видов девиантного поведения // *Современные проблемы науки и образования*. 2010. № 4. С. 78–86.

17. Гусельцева М. С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей [Электрон. ресурс] // Психологические исследования. 2017. № 10 (54). С. 5. Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.11.2017).
18. Радченко Д. А. «На человека стал похожим»: советские памятники Украины и России в конфликтном контексте (2013–2015) // *Genius Loci: сборник статей в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова* / сост. М. В. Ахметова, Н. В. Петров, О. Б. Христофорова. Москва: Форум, 2016. С. 435–461.
19. Shobri N. I. M., Sakip S. R. M., Daud N. Public perception towards Graffiti art in Malaysia // *Advanced Science Letters*. 2017. № 23. (7). P. 6203–6207.
20. Кружкова О. В., Девятковская И. В. Организационный вандализм: к проблеме деструктивного поведения персонала // *Сибирский психологический журнал*. 2017. № 63. С. 150–169.
21. Смолова А. В. Психология взаимодействия с окружающей средой (экологическая психология). Санкт-Петербург: СПбГИПСПР, 2010. 712 с.
22. Собольников В. В. Коррекция девиантного поведения студентов в образовательном пространстве // *Сибирский педагогический журнал*. 2014. № 4. С. 173–177.

References

1. Šakić V., Franc R., Mlačić B. Self-expressed tendency of adolescents towards social deviations and antisocial behaviour. *Drustvena Istrazivanja*. 2002; 11 (2–3): 265–289.
2. Obolenskaya A. G. Vandalistic behavior during a period of destruction of the social in a territory. In: *Sbornik tezisev V Mezhdunarodnogo Kongressa pamjati A. R. Lurija "Lurievsky podhod v mirovoi psichologicheskoi nauke" = Scientific Conference Abstracts of the Fifth International Luria Memorial Congress "Lurian Approach in International Psychological Science"*; 2017 Oct 13–16; Yekaterinburg, Russia. Yekaterinburg; 2017. p. 117–118. (In Russ.)
3. Trovo F., Griguol E. *Chimica Oggi. Chemistry Today*. 2017; 35 (4): 42–46.
4. Albrecht J. F., & Das D. K. Effective crime reduction strategies: International perspectives. Hoboken: Taylor and Francis; 2011. 650 p.
5. Buckley R. C. Conservation tourism. Cambridge, Mass: CAB International; 2010. 230 p.
6. Bhati A., Pearce P. Tourist attractions in Bangkok and Singapore; linking vandalism and setting characteristics. *Tourism Management* [Internet]. 2017 [cited 2017 May 14]; 63: 15–30. Available from: 10.1016/j.tourman
7. Mushtaha E., Hamid F. The effect on vandalism of perception factors related to housing design, case of U. A. E Cities. *Journal of Asian Architecture and Building Engineering*. 2016; 15 (2): 247–254.
8. Pavlov V. G. Questions of responsibility for vandalism in foreign criminal law. *Vestnik Sankt-Petersburgskoi uridicheskoi akademii = Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2014; 25 (4): 95–100. (In Russ.)
9. Vatova L. S. Psychoprophylaxis of youth vandalism at an early stage in the conditions of primary school. *Nachalnaya shkola = Primary School*. 2003; 5: 46–50. (In Russ.)

10. Omaev B. Kh. Personal features of vandals. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2013; 1 (41): 164–172. (In Russ.)
11. Pashutina O. S. The subject of vandalism: The concept and problems of legislative definition. *Bisnes v zakone. Ekonomiko-uridicheskii jurnal = Business in the Law. Economic and Legal Journal*. 2008; 2: 123–125. (In Russ.)
12. Gilinsky Ya. I. Sociology of deviance (novels and perspectives). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2009; 8 (304): 70–73. (In Russ.)
13. Terekhina O. A. Social characteristics of persons prone to vandalism. *Innovacionnaya nauka = Innovative Science*. 2016; 10–3: 139–143. (In Russ.)
14. Van Ouytsel J., Ponnet K., Walrave M. The associations of adolescents' dating violence victimization, well-being and engagement in risk behaviors. *Journal of Adolescence*. 2017; 55: 66–71.
15. Stodolska M., Berdychevsky L., Shinew K. J. Gangs and Deviant Leisure. *Leisure Sciences*. 2017 July 4; Vol. 0, № 0: 1–16.
16. Maysak N. V. The matrix of social deviations: Classification of types and kinds of deviant behaviour. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*. 2010; 4: 78–86. (In Russ.)
17. Guseltseva M. S. Identity in a transitive society: The transformation of values. *Psichologicheskie issledovaniya = Psychological Studies* [Internet]. 2017 [cited 2017 Nov 04]; 10 (54): 5. Available from: <http://psystudy.ru> (In Russ.)
18. Radchenko D. A. The person became similar: Soviet monuments of Ukraine and Russia in a conflict context (2013–2015). In: *Genius Loci: Sbornik stей v chest 75-letiya S. U. Neklyudova = Genius Loci: Collection of Articles in Honour of the 75th Birthday of S. Yu. Neklyudov*. Moscow: Publishing House Forum; 2016. p. 435–461. (In Russ.)
19. Shobri N. I. M., Sakip S. R. M., Daud N. Public perception towards Graffiti art in Malaysia. *Advanced Science Letters*. 2017; 23 (7): 6203–6207.
20. Kruzhkova O. V., Devyatovskaya I. V. Organizational vandalism: to the problem of destructive behavior of personnel. *Sibirskij psichologicheskij zhurnal = Siberian Psychological Journal*. 2017; 63: 150–169. (In Russ.)
21. Smolova L. V. Psihologiya vzaimodeystviya s okruzhajushhej sredoj (jeko-logicheskaja psihologija) = Psychology of interaction with the environment (ecological psychology). St.-Petersburg: SPbGIPSR; 2010. 712 p. (In Russ.)
22. Sobolnikov V. V. Correction of deviant behavior of students in the educational space. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*. 2014; 4: 173–177. (In Russ.)

Информация об авторах:

Руденкин Дмитрий Васильевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: d-rudenkin@yandex.ru

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и акмеологии Уральского государственного

го педагогического университета, Екатеринбург, Россия. E-mail: lorisha@mail.ru

Кружкова Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой философии и акмеологии Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Россия. E-mail: galiat1@yandex.ru

Кривошекова Марина Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры профессионально ориентированного языкового образования Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Россия. E-mail: kmsolimp@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2017; принята в печать 10.01.2018. Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Dmitriy V. Rudenkin – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. E-mail: d-rudenkin@yandex.ru

Irina V. Vorobyeva – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Acmeology, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: lorisha@mail.ru

Olga V. Kruzhkova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Acmeology, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: galiat1@yandex.ru

Marina S. Krivoshchekova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Professionally-Oriented Language Education, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: kmsolimp@mail.ru

Received 15.11.2017; accepted for publication 10.01.2018
The authors have read and approved the final manuscript.